

ПОЭЗИЯ

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

СОГЛЯДАТАЙ

ПОЭМА

I

Кто мраку отхлебнул, тот о себе
Узнал поболее иных непосвящённых...

Не пей до дна...
А тени холодны.
А за теньями тени, снова тени.

Кто наблюдал рождение родника
в толкании, в биении сердечном,
тот помнит эту тайну тишины —
из тьмы сырой земли, из тла, из почвы —
ток жидкокристаллический. В нём дух
живой. В нём только истина и холод —

БЕРЯЗЕВ Владимир Алексеевич родился в Кузбассе в 1959 году. Поэт, эссеист, переводчик, публицист. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг "Окоём", "Могила Великого Скифа" и других, а также сборников стихов, книг очерков и эссе. В настоящее время — зам. гл. редактора журнала "Сибирские огни". Секретарь правления Союза писателей России и сопредседатель Ассоциации писателей Сибири. Живёт в Новосибирске

течёт, течёт... А ты — давным-давно
лежишь на кочке дёрна мальчуганом,
вниз головёнку свесил, всё глядишь
на дно, следишь былинки и песчинки,
что родничок тихонечко клубит,
ключ что-то говорит тебе... Ледышка
под ложечкою тает, и щемится
от страха сладко сердце.

Большой страх —
распахнутый колодец. Или погреб.
Иль пыльное мерцанье чердака.

Повсюду кто-то есть. Повсюду кто-то...
Повсюду — кто?..

Лишь взрослые дела
закрыли эту чакру ожиданья,
ты более уже не духовидец,
из света в тень забыл перетеканье,
забыл полёта дрожь и свист паденья...
Но не совсем.

II

В античной простоте
так много было детских откровений,
был мир прозрачен, перенаселён
соседними твореньями — дриады
и nereиды мирно хлопотали;
в священных рощах
мудрые кентавры
хранили эпос древних теогоний,
сатиры виноградную лозу
оберегали для дионисийских
веселий необузданных. Сулили
для смертных эти праздники свободу
от тесных уз телесных...

Но, увы,
Ирония — безверия сестрица —
и эллинов сгубила. Голоса
природы отступили, замолчали,
лес и ручей, гора и луговина —
всё перестало быть одушевлённым,
пенаты отвернулись от своих
былых любимцев.

Но осталось место,
верней, страна — отдельная планета:
в горах от Иртыша и до Байкала
ещё живут герои древних саг.
И каждый камень там вочеловечен,
и дерево, и горная вершина,
над очагами молятся хозяйки
и тёсей* не пускают на порог.
Там всё точь-в-точь, как было при Гомере,
там я встречался и с его потомком,
там за тобой всё время наблюдает
через своих посланцев Хан-Алтай.

---

* духов (алт.)

III

В глуши дремучих гор, у Карагема,
чей вал грохочет, как сарлычье стадо,
чей вал быком ревёт в теснине моста,
биваком стали мы у тополей
прибрежных. А над нами нерушимо,
как гребень звероящера зубчатый,
отрог хребта пролёт, в его подоле,
в семидесяти метрах от реки,
на высоте пологой возвышаясь,
как два щита, две каменные чаши,
торчали гордо груди богатырши,
что в гору погрузилась с головой,
а ноги ей река замыла щебнем,
по бёдрам же дорогу проложили,
и только два сосуда полновесных
нам старый миф оставил напоказ.

Те груди были местом поклоненья
и почитанья. Предки завещали,
что попусту нельзя здесь появляться,
кричать, шуметь и бражничать — ни-ни,
табу! Но наша цель была — рисунки,
петроглифы, творенья неолита:
быки, олени, тамги, человечки...
Татуировок каменный ковёр
покрыл два скальных выступа. Неясно,
кто и зачем оставил эти знаки?
О чём поведал? Почему алтайцы
Сосцы Хатун обходят стороной?

IV

Тиха была погода.
Серой ватой
клочкастых облаков перетянуло
небесной юрты купол. На вершинах
белёсой мглы курились очаги,
струя по складкам дымные косынки
туманов... и по ходу невозможно
мне было, ковыляя по долине,
вот сей момент, навскидку угадать,
где солнца диск болтается. Шумела
река, подобно шелесту сухому
осенней роши под широким ветром.
Я возвращался в лагерь по тропе
или, точнее, по тропы подобью,
гигантские окатыши гранита
непроходимо заполняли пойму,
меж ними рос шиповник, можжевель,
акация колючие сплетенья
щетинились у валунов подножий.
Я думал: “И какому же потоку
под силу было так вот обкатать
в овалы многотонные каменья?”
Похоже, лишь Всемирному...
Гнев Божий
Перепахал планету. Как же, как же
пред этой мощью жалок человек!

V

С трудом я обогнул нагроможденья
Потопных жерновов и вновь увидел
и мост, и лагерь у хребта подножья,
дымок костра, палатки, склон горы,
где две скалы священные. Как странно
издалека следить за копошеньем
стоянки человеческой: немое
кино про лилипутов...

Из кустов

мне под ноги Кумай, наш сторож верный,
любимый пёс начальника, метнулся:
и хвост поджат, и уши на затылке,
скулит, зовёт кобель.

“Куда, куда

меня ты тянешь? Что такое, братец?
Где, что стряслось? По виду — всё спокойно.
Ну погоди, дай огляжусь”... Я вынул
Измятый “Честерфилд” и, прикурив,
Уселся на валун.

“Однако тихо.

Вон, погляди, Павлуша варит ужин,
а твой хозяин ползает букашкой
по выпуклым поверхностям, опять
рисунки инспектирует, снимает
на фото, в эстампажи переводит...
а кто с ним рядом? за спиной? похоже —
водитель, без бинокля не видать,
весь в сером? Ну, чего ты так извёлся?
Не чёрта же среди бела дня увидел?
Хотя местечко — Господи, помилуй,
споткнёшься и — ау, ищи-свищи!”

VI

— А с кем ты на скале работал нонче?
С Кумайкою мы долго наблюдали
за вами из-за речки...

Я прервался

на полуслове — рыжий черемис,
начальник, что провёл полжизни в поле,
вдруг замер, поперхнувшись и смурнея,
и долго на меня в недоуменье
смотрел: “Ни с кем, один”.

Из-за плеча

Этнограф Ира громко зашептала,
перекрывая шум реки: “Ты тоже,
ты тоже видел? Я с горы спускалась
вон там по склону, он за ним ходил
след в след, он был всё время за спиною,
весь серый, будто бы в комбинезоне,
как будто сторожил, следил, шпионил...
Ведь до меня лишь в лагере дошло,
что это здешний дух, хранитель места,
алтайцы говорили, что недавно
Амырка-тракторист сюда припёрся,
придумал спьяну парочку сколоть
рисунков, мол, продам американцам,

ну, в самом крайнем случае, полякам (они ж не все на сплаве насмерть бьются, которые доходят до конца маршрута) — вот и будут сувениры о скалах близ кошмарного Аргута, где гиблый перевал Верблюжье Ухо*, где Карагемский мост. Ну, в общем, он едва успел примериться зубилом, как тут же и на щебне поскользнулся, упал, короче, выродок и ногу вот сей момент, прямёхонько, сломал”.

VII

Давно — уже в ином тысячелетье со мной всё это было, до дефолта примерно за неделю и задолго до новой лжи кромешной, до войны...

Уж нет ни Югославии, ни Башен, умолк Шамиль, невесело Саддаму**, и, может, только белые медведи не знают об Аль-Каиде и о глобальном потеплении... Но скоро их, как и нас, проверят на лояльность, ни мыса не останется, ни льдины без бдительного ока CNN.

Дверь заперта, мы смотрим на творенье сквозь щель замочной скважины, мы смотрим сквозь объективы теле или фото глазами соглядатаев чужих. Тень репортёра, проданного в рабство за лживый долг свободы и комфорта, маячит за спиною непокорных — он серый, он навеки пригвождён к подобью ремесла, к лукавой страсти пустого знания... Ни любви, ни смысла не создаёт зависимое племя, и — шумно на невольничьих торгах!

И все молчат о подлинном владыке, не выдают ни знака, ни намёка, а кто и проболтается по пьяни, Бжезинский или Гибсон — на того найдут управу...

Павич, Солженицын, Джон Фаулз, Маркес, Брэдбери, Мисима — последние обломки Атлантиды — пучиною почти погребены.

И у меня — не крылья за плечами — два спутника за левым и за правым — один свистит, другой поёт и плачет, один толкает, а другой хранит.

---

* Непроходимое для сплавщиков ущелье, участок реки Аргут.

** Уже после написания этой вещи произошло событие, после которого строчка, видимо, должна завершиться словами “повесили Саддама”.

И только купол неба и вершины
незыблемы пока и лучезарны,
и не подвластны воле и веленью
Вселенских наблюдателей. Пока.
Пока, мой друг,
нам до второго раза,
похоже, не дожить. Оно, быть может,
и к лучшему.
Финал у этой фильмы
не голливудским будет, видит Бог.

*Декабрь 2006 г.,
Новосибирск*

